

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

КИНЖАЛ
ВРЕМЕНИ

Сергей Патрушев
Кинжал времени

«Автор»

2026

Патрушев С.

Кинжал времени / С. Патрушев — «Автор», 2026

Молодой антиквар Артём получает от незнакомца древний кинжал со странным сколом на лезвии. Случайно коснувшись дефекта, он обнаруживает, что артефакт способен останавливать время и возвращать в прошлое.

Поначалу это кажется даром, но вскоре кинжал начинает требовать плату — кровь, силы и нечто большее. Каждое вмешательство в прошлое меняет реальность, но не в лучшую сторону: исправить ошибки не удаётся, а последствия становятся всё страшнее. За Артёмом начинается охота таинственный Хранитель, следящий за целостностью временных континуумов. Вместе с исследовательницей аномальных явлений Лерой герой пытается понять природу артефакта и разорвать бесконечный круг сожалений, пока реальность не схлопнулась в одну точку. Мистический хронотриллер о цене вмешательства в судьбу и силе отказа от прошлого.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Скол на лезвии	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Сергей Патрушев

Кинжал времени

Глава 1. Скол на лезвии

Дождь зарядил с самого утра, превратив узкие улочки старого города в подобие венецианских каналов, только вместо гондол по ним плыли опавшие листья, смятые автобусные билеты и прочий мусор, который безжалостный ноябрьский ветер срывал с тротуаров. Артём стоял у окна своей крошечной мастерской, расположенной на первом этаже старого доходного дома, построенного, судя по архитектурным излишествам, ещё в конце девятнадцатого века. Дом этот, с облупившейся лепниной и потрескавшимися кариатидами, поддерживающими балконы, сам по себе был экспонатом, достойным музея, но, как и большинство старых зданий, он никому не был нужен, кроме таких же чудаковатых арендаторов, как сам Артём.

Струи воды барабанили по жестяному козырьку подоконника с такой силой, что казалось, будто кто-то рассыпает по металлу бесконечную горсть гороха. Звук был монотонным, гипнотизирующим, погружающим в состояние странной меланхолии. В такие дни посетителей почти не бывало, и Артём мог спокойно разобрать завалы, накопившиеся за последнюю неделю. Впрочем, особого энтузиазма это занятие не вызывало. Работа антиквара, о которой он грезил, сидя на скучных лекциях в университете, на поверку оказалась куда более приземлённой, чем ему представлялось. Вместо разгадывания тайн прошлого — оценка бабушкиных сервизов, скупка потемневших икон и бесконечные споры о подлинности латунных самоваров, которые, как он давно понял, в девяноста процентах случаев оказывались искусными подделками, сделанными на каком-нибудь азиатском заводе пару лет назад.

Артём был историком по образованию и, как ему казалось, по призванию. Он закончил университет с красным дипломом, написал несколько статей по культуре древних цивилизаций Ближнего Востока, но в современном мире чистая наука не прокормила бы и одного человека, не говоря уже о том, чтобы позволить ему снимать жильё и содержать мастерскую. Поэтому он совмещал, как он сам выражался, «приятное с полезным»: днём скупал и продавал старинные вещи, а по ночам, когда город затихал, занимался настоящими исследованиями. Правда, последние месяцы ночные исследования всё чаще уступали место банальной усталости. Рутинная затягивала, как трясина, и Артём всё чаще ловил себя на мысли, что он превращается из учёного в обычного торговца.

Он отвернулся от окна и бросил взгляд на рабочий стол, заваленный инструментами, старыми каталогами и осколками керамики. Стол этот был его гордостью и его проклятием одновременно. Это был массивный дубовый монстр, доставшийся ему вместе с мастерской от предыдущего владельца. Его столешница, испещрённая царапинами, следами от паяльника и каплями какого-то застывшего клея, хранила в себе историю десятилетий. Каждая выбоина на ней была свидетелем чьей-то работы, чьего-то открытия или разочарования. Артём любил этот стол за то, что он был настоящим, за то, что он не притворялся новым, и ненавидел за то, что он был вечно завален хламом, который он не успевал разбирать.

Взгляд его зацепился за неприметную картонную коробку, стоявшую на краю стола. Коробка была самой обычной, из тех, в которые упаковывают дешёвую обувь или бытовую тех-

нику, но было в ней что-то, что заставило Артёма нахмуриться. Она была перетянута старым, пожелтевшим шпагатом, который, судя по его виду, был развязан и завязан заново не менее дюжины раз. От коробки исходил едва уловимый запах сырости и пыли, но не той пыли, что оседает на вещах в течение нескольких лет, а какой-то древней, музейной пыли, какая бывает в хранилищах, куда не ступала нога человека десятилетиями.

Артём нахмурился, пытаясь вспомнить, откуда она взялась. Память, уставшая от серых будней, нехотя подбрасывала обрывки вчерашнего вечера. Ах да, вчера, перед самым закрытием, когда он уже собирался опустить металлические жалюзи, приходил тот странный старик. Это было странное появление. Обычно люди, которые приходят сдавать вещи, либо торопятся, либо долго и нудно рассказывают о том, как им тяжело расставаться с семейной реликвией. Этот же был спокоен, как каменная глыба. Он не стал ни торговаться, ни объяснять, что это за вещь и откуда она у него. Он просто поставил коробку на прилавок, взглянул на Артёма выцветшими, но неожиданно цепкими глазами и произнёс всего одну фразу: «Возьми. Ей нужно быть в надёжных руках. Позже поймёшь».

И ушёл. Просто развернулся и вышел, не взяв денег, не оставив визитки, не оглянувшись. Артём тогда был слишком уставшим, чтобы придавать этому значение. Он лишь машинально убрал коробку на стол, подумав, что разберётся с ней завтра, на свежую голову. И вот теперь это «завтра» наступило.

Сейчас, в тишине дождливого утра, любопытство взяло верх. Артём подошёл к столу, взял коробку в руки и осторожно её взвесил. Тяжёлая. Слишком тяжёлая для своего размера. Металл? Камень? Он слегка встряхнул её, но изнутри не донеслось ни звука. Словно внутри лежал некий монолитный предмет, плотно обёрнутый в ткань или бумагу. Артём провёл пальцами по шпагату, ощутив его шероховатость. Узел был затянут туго, но не настолько, чтобы его нельзя было развязать. Он аккуратно, как будто имел дело со взрывным устройством, потянул за концы. Шпагат поддался с лёгким шуршанием, и крышка коробки приподнялась.

Внутри, завернутый в кусок грубой, потемневшей от времени ткани, лежал кинжал.

Артём извлёк его на свет и на мгновение замер, поражённый. Это была не дешёвая туристическая подделка и не бутафория из сувенирной лавки, каких он перевидал за годы своей практики бесчисленное множество. Это было настоящее оружие, созданное, судя по всему, очень давно и с совершенно определённой целью. Кинжал имел двустороннюю заточку, узкое, изящно изогнутое лезвие длиной около сорока сантиметров, сужающееся к острию, как змеиный язык. Металл был тёмным, почти чёрным, но не из-за грязи или ржавчины. Казалось, сама структура стали впитала в себя века. На поверхности играли едва заметные узоры, похожие на застывшую дамасскую сталь, но более хаотичные, словно выкованные не рукой человека, а какими-то природными процессами, которые невозможно ни повторить, ни объяснить. Узоры эти переплетались, закручивались в спирали и петли, создавая гипнотический рисунок, от которого было трудно оторвать взгляд.

Рукоять была сделана из кости, пожелтевшей и отполированной временем. Кость была гладкой, но не той гладкостью, которую даёт искусственная полировка, а той, что появляется лишь после десятков лет или даже веков контакта с человеческими руками. На рукояти имелись резные кольца для пальцев, каждое из которых было украшено тончайшим орнаментом, напоминающим то ли сплетение стеблей, то ли какие-то древние письмена. Навершие венчал странный знак — не то стилизованный цветок, не то какое-то астрологическое созвездие,

состоящее из пересекающихся линий и точек. Знак этот казался знакомым, но в то же время абсолютно чуждым, словно Артём видел его когда-то во сне и забыл, а теперь, при взгляде на него, это воспоминание вновь начало пробуждаться, но ускользало, как вода сквозь пальцы.

Но взгляд Артёма приковала не красота оружия. На середине лезвия, там, где металл, казалось, был наиболее плотным, виднелся скол. Небольшой, но глубокий. Примерно с ноготь большого пальца. Это была настоящая рана на теле клинка. Странно. Обычно старые кинжалы страдали от коррозии, от зазубрин на режущей кромке, от износа рукояти. Но этот скол был идеально круглым, словно кусочек металла не отломили, а кто-то высверлил или выгрыз самой материей. И, что самое странное, вокруг скола не было ни единой трещины, ни одного микроскопического паучка, который говорил бы о сильном ударе. Металл вокруг дефекта был гладким и целостным, словно скол существовал с самого момента создания клинка, словно он был не дефектом, а задуманной деталью.

Артём взял лупу, стоящую на столе, и поднёс её к дефекту. Поверхность скола была зернистой, но не как у металла, а словно у окаменевшей, застывшей магмы. При увеличении он увидел, что края скола не были острыми, как это обычно бывает при механическом повреждении. Они были слегка оплавлены, словно металл в этом месте не раскололи, а прожгли, причём с двух сторон одновременно, как будто сквозь лезвие пропустили луч какой-то невероятной энергии. Артём перевернул клинок. С обратной стороны скол тоже присутствовал, но он был менее глубоким, и его края казались более грубыми, словно в этом месте металл не прожгли, а выгрызли или выцарапали. Странная асимметрия. Она наводила на мысли о том, что процесс, вызвавший этот дефект, был несимметричным, что он шёл из одной точки, но оказывал разное воздействие на разные стороны лезвия.

Глаза Артёма загорелись профессиональным азартом. В своей практике он встречал разные артефакты, но такое видел впервые. Профессиональный историк-востоковед в нём ликовал, требуя немедленно начать исследования, а антиквар-практик нашептывал, что это может стоить целое состояние, если правильно установить эпоху и культуру. В голове уже начали роиться версии: от древней Персии до загадочных цивилизаций Мезоамерики. Хотя нет, стиль явно не американский. Слишком много общего с ближневосточными и средиземноморскими традициями. Но и к классическому Востоку этот кинжал отнести было нельзя. Слишком много было в нём аномалий.

В течение следующих нескольких часов Артём был полностью поглощён исследованием. Он не стал использовать соляную кислоту или другие агрессивные реагенты, чтобы не повредить образец. Вместо этого он осторожно взял ватную палочку, смоченную в дистиллированной воде, и провёл по лезвию. На вате остались лишь пылинки. Ни ржавчины, ни старой смазки, ни следов крови. Только тёмная, сухая поверхность металла, который, казалось, лишь притворялся старым, а на самом деле спал, дожидаясь своего часа. Затем Артём перевернул клинок и принялся рассматривать рукоять. Резьба была невероятно тонкой, рисунок настолько сложным, что обычным резцом такое сделать было бы невозможно. Он напоминал ему орнаменты, которые он видел в книгах по шумерской или даже более древней культуре, но одновременно с этим в узорах чувствовался хаос, несвойственный древним мастерам. Казалось, будто сама природа выточила эти борозды на кости, а человек лишь слегка подправил их, чтобы придать им форму.

Артём подвинул к себе ноутбук и пролистал несколько электронных баз данных, поднял на ноги свои старые конспекты по истории оружия, которые он не открывал с университет-

ских времён. По типу клинка кинжал походил на эфесский кинжал или, возможно, на одну из разновидностей римского пугио. Но изгиб лезвия и форма навершия указывали на ближневосточное или даже среднеазиатское происхождение. Ничего подобного в каталогах музеев он не нашёл. Это была гремучая смесь стилей и эпох, словно кузнец, создавший этот клинок, заимствовал идеи отовсюду, но воплотил их в абсолютно уникальной, не поддающейся классификации форме. Артём даже достал с полки несколько старых справочников по металлургии древних цивилизаций. Состав металла, насколько он мог судить визуально, был необычен. Это была не бронза, не железо, не сталь в привычном понимании. Скорее, это был какой-то сплав, который невозможно было идентифицировать без специального оборудования.

За окнами стемнело незаметно. Дождь всё так же монотонно стучал по стеклу, и его шум действовал завораживающе, погружая мастерскую в состояние какого-то сомнамбулического покоя. Артём откинулся на спинку стула и потёр уставшие глаза. Он не заметил, как пролетел день. В мастерской стало сумрачно, лишь старинная лампа с зелёным абажуром, стоявшая на краю стола, отбрасывала на стены причудливые тени. Он уже не работал, а просто сидел, глядя на кинжал, лежащий перед ним на куске бархата. Внезапно ему пришла в голову мысль, что старик, оставивший клинок, смотрел на него как-то особенно. Не как на скупщика или случайного прохожего. В его взгляде читалось знание, и от этого воспоминания по спине Артёма пробежал неприятный холодок. Откуда он взялся? Почему не взял денег? Что значит «ей нужно быть в надёжных руках»? Было ли это бремя, от которого старик хотел избавиться, или же это был дар, предназначенный именно ему, Артёму?

Темнота за окном сгущалась, а дождь всё не утихал. Артём решил, что на сегодня с него достаточно тайн. Он встал, потянулся, разминая затёкшие плечи, и подошёл к плите, чтобы согреть немного воды для чая. В мастерской было тихо, слышалось лишь шипение газовой горелки и завывание ветра в старых рамах. Странно, обычно этот звук его успокаивал, создавая уютную атмосферу отгороженности от внешнего мира, но сегодня в нём появились какие-то тревожные, почти угрожающие нотки. Словно за окном не просто ветер, а кто-то невидимый скребётся в стёкла, пытаясь проникнуть внутрь. Артём отогнал эту мысль как глупую и сосредоточился на заваривании чая.

Сделав себе большую кружку крепкого чёрного чая, он снова подошёл к столу. Мысль о том, чтобы оставить кинжал лежать здесь на ночь, казалась ему кощунственной, но и убирать его в сейф не хотелось. Было в этом оружии что-то необъяснимо притягательное, что не позволяло оторвать взгляд и скрыть его от глаз. Артём поймал себя на том, что смотрит на клинок, как замороженный, и тряхнул головой, пытаясь сбросить наваждение. Он сделал глоток чая, надеясь, что это поможет ему прийти в себя.

Он снова сел за стол, взял кинжал в руки и принялся рассматривать его, невообразимо медленно поворачивая перед глазами. Его палец скользил по рукояти, ощущая каждую неровность, каждую выпуклость резьбы. Он закрыл глаза, пытаясь представить, сколько рук держало эту кость за те долгие годы, что прошли с момента создания клинка. Какие люди прикасались к нему? Какие судьбы были связаны с этим оружием? Затем он перешёл к навершию. Странный знак на нём, казалось, вибрировал от тепла его рук. Артём осторожно провёл ногтем по переплетённым линиям. Ему почудилось, что металл навершия внезапно стал тёплым, причём тепло шло не от руки, а изнутри, из самого сердца артефакта. Он одёрнул руку, как если бы обжёгся. Наверное, просто разыгралось воображение, усталость за день и тусклое освещение делали своё дело.

Он поднёс кружку к губам, но чай уже остыл. Сделав глоток, он поморщился и снова взглянул на клинок. В полумраке, освещаемом лишь старой лампой с абажуром из зелёного стекла, тёмный металл выглядел ещё более загадочно. На нём не было ни единого блика, лампа не отражалась в поверхности. Казалось, кинжал поглощает свет, словно миниатюрная чёрная дыра, выкованная в древности. Артём наклонился ближе, вглядываясь в глубину металла. Ему почудилось, что там, под поверхностью, что-то движется. Какие-то тени, какие-то отблески, которых не должно было быть. Он отпрянул. Это, конечно, была игра воображения, но отчего-то по спине пробежал холодок.

И вот тогда, в этой тяжёлой, наполненной шумом дождя и тишиной тикающих часов обстановке, Артём совершил ту самую ошибку. Он вытянул указательный палец и, словно повинаясь какому-то неясному импульсу, медленно провёл им по сколу на лезвии. Не по краю, не по плоскости, а именно по неровной, шершавой поверхности дефекта. Подушечка пальца ощутила странное, почти электрическое покалывание, как будто он прикоснулся к оголённому проводу. Затем он почувствовал, как кожа будто прилипает к поверхности, как к металлу на морозе.

Внезапно мир вокруг него исчез.

Звук дождя оборвался, как если бы кто-то выключил гигантский рубильник. Стихло тиканье часов, гул газового котла, завывание ветра за окном. Исчезли все звуки. Наступила абсолютная, ватная, всепоглощающая тишина. Артём замер, не дыша. Ему показалось, что он оглох. Он попытался отдернуть руку, но тело не слушалось. Нет, не так. Оно его слушалось, но двигалось невероятно медленно, словно сквозь густой кисель. Взгляд его был направлен на кружку с чаем на столе. И тут он заметил нечто, от чего его сердце сжалось в ледяной комок.

Пар, всё это время лениво поднимавшийся от горячего чая и таявший в воздухе, застыл. Он висел над кружкой абсолютно неподвижно, как нарисованный. Каждая струйка, каждая ворсинка пара была видна в мельчайших деталях, замороженная в пространстве, словно муха в янтаре. И только Артём, его дыхание, его бешено бьющееся сердце, его мысли существовали в этом мёртвом, остановленном мире.

Паника захлестнула его. Он попытался сделать вдох. Воздух был тяжёлым, густым, как желе. Грудная клетка расширялась с огромным трудом, на это уходило несколько секунд, словно на нём лежала бетонная плита. Он перевёл взгляд с кружки на окно. Капли дождя, стекавшие по стеклу, застыли на полпути. Тонкая струйка воды с крыши, пролетающая мимо фонаря, висела в воздухе, разбившись на множество сверкающих в свете уличного фонаря шариков. Это было невероятно красиво и невероятно жутко одновременно. Мир превратился в фотографию, в кадр из застывшего фильма. И он, Артём, был единственным, кто ещё мог двигаться, дышать, мыслить в этой остановленной вселенной.

Он попытался закричать, но звук застрял в горле, словно голосовые связки тоже были скованы невидимым временем. Вместо крика из его груди вырвался лишь слабый, сдавленный хрип, который тут же потонул в ватной тишине. Это было самое жуткое чувство в его жизни. Чувство полной, абсолютной беспомощности, смешанное с благоговейным ужасом перед силой, которая остановила мир.

Это длилось недолго, но для Артёма растянулось в вечность. А затем, так же внезапно, как и исчез, мир вернулся. Сначала он услышал оглушительный, сводящий с ума стук дождя

по стеклу, затем гулкое тиканье часов, которое показалось ему раскатами грома. Пар от чая снова заплясал в своём обычном ритме. Капли на стекле поползли вниз. Город за окном снова ожил, наполненный привычными ночными звуками.

Артём с силой отшвырнул кинжал. Рукоять выскользнула из его пальцев, и клинок с гулким стуком упал на деревянный пол. Сам Артём отшатнулся назад, опрокинув стул. Он стоял, прижавшись спиной к холодной стене, и с ужасом смотрел на тёмный предмет, лежащий на полу. Сердце колотилось где-то в горле, в ушах шумело. Он вытянул вперёд палец, которым касался скола. На коже не было ни царапины, ни ожога, ни покраснения. Палец выглядел совершенно обычно, но внутри, казалось, пульсировал ледяной огонёк, отголосок того, неземного холода, что он испытал.

Что это было? Галлюцинация? Переутомление? Он работал без выходных последние две недели, возможно, мозг просто перегрелся. Но звук... этот оглушительный переход от тишины к шуму был слишком реален. И этот пар... Он не мог выдумать такую деталь. Это была не просто зрительная галлюцинация. Он почувствовал, как само время остановилось. Он видел застывшие капли, он ощущал тяжесть воздуха, он слышал эту невыносимую тишину. Нет, это было не воображение. Это была реальность, которая на несколько секунд подчинилась чему-то, что находилось внутри этого кинжала.

Он медленно, не сводя глаз с кинжала, наклонился и поднял стул. Ноги дрожали. В висках стучала кровь. Артём сделал несколько осторожных шагов к столу. Кинжал лежал на полу, его тёмное лезвие, казалось, впитывало в себя свет лампы. На мгновение Артёму захотелось вышвырнуть его в окно или позвонить в полицию, в музей, кому угодно, лишь бы избавиться от этого кошмара. Но любопытство, как это часто бывает, оказалось сильнее страха. Внутри него боролись два противоречивых чувства: ужас перед неизвестным и неутолимая жажда понять, что же произошло.

Он осторожно, двумя пальцами, поднял кинжал за рукоять, стараясь не прикасаться к лезвию. Поднёс его к свету. Скол выглядел так же, как и раньше, — тёмный, неровный, чуть оплавленный по краям. Ничто не указывало на то, что он только что был источником невероятного, невозможного события. Но теперь Артём знал. Знал, что этот артефакт — не просто древность. Это инструмент. Механизм, назначение которого он ещё не мог осознать. Только что, на долю секунды, он выпал из времени. Или, наоборот, остановил его. В любом случае, это было за пределами его понимания, за пределами всех физических законов, которые он знал.

Он снова сел за стол. Чай окончательно остыл. Дождь за окном стихал, превращаясь в мелкую морось. Город за окном, казалось, жил своей обычной жизнью, не подозревая, что в маленькой антикварной лавке только что рухнули все законы физики. Артём положил кинжал обратно на бархат и уставился на него, пытаясь собрать разбегающиеся мысли. Первой пришла мысль о необратимости произошедшего. Он уже не сможет просто спрятать кинжал в ящик и забыть о нём. Слишком глубоко это ощущение застряло в его сознании. Вторая мысль была о старике. Откуда он узнал, что кинжал нужно принести именно сюда? И почему оставил его? Артём снова и снова прокручивал в голове сцену вчерашнего вечера, пытаясь вспомнить мельчайшие детали: морщинистые руки, запах табака, выражение глаз старика, когда он сказал «Ей нужно быть в надёжных руках». В этих словах звучала не просьба, а скорее усталое облегчение. Словно старик долгие годы нёс тяжёлое бремя и наконец-то смог от него избавиться.

Внезапно Артём почувствовал, как по его спине поползла ещё одна, более жуткая мысль. А вдруг это проклятие? Вдруг старик был хранителем, и теперь, передав артефакт, он освобождён, а сам Артём стал его новой, невольной жертвой? Он откинулся на спинку стула, потирая виски. Голова начинала раскалываться от усталости и нервного напряжения. Слишком много событий для одного дня. Ему нужно было с кем-то поделиться, но он понимал, что вряд ли кто-то поверит в его историю. Его бы просто подняли на смех или посоветовали показаться психиатру.

Он посмотрел на часы. Стрелки показывали уже далеко за полночь. За окном окончательно распогодилось, небо очистилось, и в мокрых крышах домов отражался холодный лунный свет. Ночь была ясной и тихой, словно сама природа решила сделать паузу после долгого дождя, чтобы дать Артёму возможность осмыслить произошедшее. Он понял, что должен поспать. Хотя бы попытаться. Но перед сном он сделал ещё одну вещь. Он осторожно завернул кинжал в кусок мягкой фланели и положил его в ящик рабочего стола, заперев его на ключ. Но перед этим он снова взял лупу и внимательнейшим образом изучил скол. Ему нужно было понять, что делает этот механизм. И в этот раз он заметил то, на что в первый раз не обратил внимания. Внутри скола, в самой его глубине, в микроскопических неровностях поверхности, сверкали крошечные, едва различимые точки. Они не были похожи на вкрапления другого металла. Это было что-то иное. Словно в самой сердцевине клинка были впаяны мельчайшие, размером с песчинку, кристаллы, которые сейчас, после контакта с его пальцем, тускло светились холодным, голубоватым светом. Свет был настолько слабым, что его можно было заметить только в полной темноте и с сильной лупой. Но он был. Этот свет был доказательством того, что кинжал — не просто кусок металла. Это был сложный, непостижимый механизм, который он, Артём, случайно активировал.

Артём отложил лупу. Сомнений больше не оставалось. Это не проклятие. Это устройство. Технология, непостижимая для него, но всё же подчиняющаяся каким-то правилам. И скол на лезвии — не дефект. Это, по всей видимости, клавиша, кнопка или, возможно, рубильник, случайно или намеренно оставленный открытым. И если это действительно так, то последствия его случайного прикосновения могли быть гораздо серьёзнее, чем он предполагал. Возможно, он не просто остановил время на несколько секунд. Возможно, он запустил какой-то процесс, который уже невозможно было остановить.

Он выключил лампу. Мастерская погрузилась в темноту, лишь слабый лунный свет проникал сквозь щели в жалюзи, рисуя на полу тонкие серебристые полосы. Артём поднялся по узкой скрипучей лестнице в свою спальню на втором этаже. Разделся и лёг в кровать, но сон не шёл. Он лежал, уставившись в потолок, и снова и снова переживал те секунды абсолютной, всепоглощающей тишины. Ощущение того, как время останавливается, было... странным. Не пугающим, как он подумал в первый момент. Нет. Это было ошеломляющее, невероятное чувство могущества. Ты — единственная точка, в которой ещё теплится жизнь. Ты — якорь, удерживающий реальность. Это было почти как полёт. И это чувство теперь не отпускало его, смешиваясь со страхом и любопытством в один тугой узел, который он не мог развязать.

Он резко сел в постели. Ему показалось, что он услышал лёгкий, почти невесомый шум, доносящийся из мастерской. Шорох, похожий на скрип деревянных половиц. Артём затаил дыхание, вслушиваясь. Тишина. Только стук его сердца, отдающийся в ушах. Он подождал ещё минуту, затем снова лёг. Наверное, старая мебель рассыхается или кошка пробежала по крыше. Мысли его медленно поплыли, смешиваясь с образами прошедшего дня. Перед внутренним взором встал тёмный клинок и этот странный, холодный свет внутри скола. Свет, который,

казалось, теперь пульсировал в унисон с биением его собственного сердца. Казалось, между ним и кинжалом установилась невидимая связь, словно артефакт признал его и теперь терпеливо ждал, когда он вернётся.

Он не помнил, как провалился в сон. Но последней его осознанной мыслью была мысль о том, что завтра он снова спустится в мастерскую, откроет ящик и возьмёт кинжал в руки. Потому что этот инструмент уже выбрал его, и отступать теперь было некуда. А скол на лезвии, этот маленький дефект, стал точкой невозврата, открывшей ему дверь в новую, пугающую и одновременно манящую реальность. Реальность, в которой время было не постоянной величиной, а лишь податливым материалом, готовым подчиниться воле того, кто осмелится прикоснуться к тайне, скрытой в тёмном металле древнего клинка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.